

Му Чэнъань достал из-под столика две вещи и одну из них бросил Юаньцзину. Юноша поймал её и невольно рассмеялся:

— Значит, Ваше Высочество продумал всё заранее. Напрасно я беспокоился.

— У И, трогай.

— Слушаюсь.

Экипаж плавно тронулся. Юаньцзин некоторое время вертел в руках маску, затем взглянул на ту, что осталась у Му Чэнъаня, и недовольно нахмурился:

— Почему мне досталась кошачья?

Му Чэнъань сделал это нарочно: в его глазах юный учёный и впрямь во многом походил на кота. Сохраняя невозмутимый вид, князь ответил:

— Взял первую попавшуюся, не глядя. Надень, примерь — впору ли?

Юноше ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Ему очень хотелось забрать маску с тигриной мордой, но не мог же он заставить великого князя Чжэньбэй носить кошачьи ушки. Даже если их никто не узнает, подобный слух, доведись ему просочиться, изрядно подорвал бы грозную славу правителя Севера.

«Ладно уж, побуду котом»

Юаньцзин надел маску. Он не заметил, как в глазах Му Чэнъаня промелькнула искра веселья. Князь внимательно оглядел его и остался доволен: он сам выбирал эту маску и не ошибся — она подходила идеально.

Когда они добрались до места гуляний, Му Чэнъань тоже надел свою тигриную маску и, взяв юношу за руку, помог ему выйти из кареты. Они смешались с нарядной толпой, заполнившей улицы в честь праздника.

Две фигуры — высокий статный мужчина в маске тигра и изящный юноша в маске кота — вызывали у прохожих лишь добрые улыбки. Люди принимали их за отца с сыном или братьев. Кому могло прийти в голову, что под личиной зверя скрывается могущественный князь Чжэньбэй, который официально должен был томиться в своей резиденции, залечивая раны?

Раньше, сопровождая родных, Юаньцзин не мог развлечься в полную силу — нужно было присматривать за матерью и братом. Теперь же он чувствовал себя свободным. Юноша с лёгкостью разгадал две сложные загадки и выиграл пару фонарей. На этот раз он намеренно отдал Му Чэнъяню фонарь, украшенный изображениями кроликов, а себе оставил тот, на котором были запечатлены театральные герои.

Му Чэнъянь лишь приподнял бровь, глядя на крутящихся кроликов, но возражать не стал. В его мыслях кроликом был сам Юаньцзин, и раз уж этот кролик теперь был у него в руках, то никуда не денется.

Внезапно князю в ладонь ткнулась палочка с танхулу. Он поднял взгляд и увидел, что собеседник уже держит вторую такую же. Даже сквозь прорези маски была видна озорная усмешка юноши — тот явно хотел посмотреть, как величественный Му Чэнъянь будет справляться с уличным лакомством.

Му Чэнъянь выразительно посмотрел на свои руки: в одной фонари, в другой — сладость. Как прикажете это есть?

Юаньцзин замер.

«Неужели просчитался?»

Князь вкрадчиво предложил:

— Раз уж обе мои руки заняты фонарями, может, ты меня покормишь?

Под маской лицо Юаньцзина мгновенно обдало жаром. В этой жизни ему определённо достался противник посильнее. Но, не желая сдаваться и давать повод для насмешек, он напустил на себя равнодушный вид:

— Хорошо. Если... кхм... Чэнъянь не возражает, то и я не против.

— Разумеется, не возражаю.

Му Чэнъянь был явно доволен тем, что юноша назвал его по имени. Он передал Юаньцзину палочку с засахаренным боярышником и забрал его фонарь.

Одна рука у каждого оставалась свободной, но вторая была прочно занята — они продолжали идти, держась за руки. Му Чэнъянь и не думал отпускать ладонь спутника, оправдываясь тем, что в такой толпе легко потеряться.

Так они и шли: князь нёс фонари, а юноша подносил к его губам танхулу. Му Чэнъянь, не сводя

с Юаньцзина лукавого взгляда, откусил один плод. От этого пристального взора у того едва не дрогнула рука, но Чэнъань ел с таким невозмутимым видом, будто занимался этим всю жизнь.

Юаньцзин и сам откусил кусочек.

«Ссс... как кисло! Просчитался»

В итоге они осилили лишь половину. Му Чэнъань, заметив, как лицо юноши смешно кривится от кислоты, велел выбросить остатки.

После танхулу они успели отведать ещё немало уличных закусок, пробуя всего понемногу, иначе рисковали бы просто не сдвинуться с места.

Внезапно Му Чэнъань остановился.

— Что случилось? — спросил Юаньцзин.

— Встретил тех, кто портит аппетит, — ответил князь.

Юноша проследил за его взглядом и увидел знатного молодого человека, ведущего под руку девушку. Лицо красавицы показалось ему знакомым. Свита, окружавшая их, была столь многочисленна, что даже князь Чжэньбэй выглядел на их фоне скромнее.

— Тао Юйчжу? Нет, теперь она Янь Чжифу. И маленький князь?

— Именно они. Не смотри на них, идём лучше к реке запускать водные фонарики.

Му Чэнъань, подготовившийся к празднику, знал программу гуляний. Ему не хотелось, чтобы посторонние люди оскверняли их вечер своим присутствием.

Юаньцзин чувствовал то же самое.

— Хорошо, идём куда скажешь.

Эти слова явно пришлись Му Чэнъаню по душе, и он, крепче сжав руку юноши, повёл его прочь.

Едва они скрылись в переулке, Му Цзиньсюань и Янь Чжифу, словно что-то почувствовав, обернулись, но увидели лишь колыхающееся море людских голов. Ощущение было мимолетным, и они не придали ему значения.

— Третий принц ждёт нас в чайной впереди, — сказал Му Цзиньсюань. — Пойдём, присядем ненадолго?

— Как скажешь, братец Цзиньсюань, — нежно ответила Янь Чжифу, глядя на него полными обожания глазами.

К счастью, Юаньцзин уже ушёл, иначе от этого приторного голоса у него бы точно пошли мурашки по коже, а кошмары мучили бы до самого утра.

Юноша вернулся домой в прекрасном расположении духа. Даже когда карета скрылась в ночи, улыбка ещё долго не сходила с его лица.

Как только Праздник Фонарей подошёл к концу, в доме Тао снова воцарилась суета: приближалось время столичных экзаменов.

Родные не могли помочь Юаньцзину в науках, но делали всё, чтобы создать ему идеальные условия. Особое внимание уделяли еде. К началу испытаний юноша обнаружил, что его лицо изрядно округлилось. В этот раз он снова шёл в экзаменационные залы под благословения семьи, но было и одно отличие: среди провожающих был человек, чьё присутствие он ощущал всем сердцем.

В стороне стояла обычная, ничем не примечательная карета. Занавеска была лишь слегка отогнута, и разглядеть сидящего внутри было невозможно, но Юаньцзин знал — там Му Чэнъань. Князь приехал проводить его, хотя на их последней встрече не обронил об этом ни слова.

Юноша бросил на экипаж долгий взгляд и коснулся висевшего на груди нефритового кулона. С момента их воссоединения ни один из них ни разу не заговорил об этом украшении. Что же касается долга за спасение жизни, Юаньцзин считал, что давно получил сполна.

Когда фигура выпускника скрылась в воротах экзаменационного двора, занавеска в карете опустилась. Изнутри раздался холодный голос:

— Возвращаемся.

— Слушаюсь, — У И, верный своей роли возницы, притворился слепым и глухим.

— Пора начинать.

— Будет исполнено, хозяин.

Му Чэнъань не хотел мешать Юаньцзину, поэтому отложил задуманное, давая ему возможность спокойно сосредоточиться на экзаменах. Теперь же в промедлении не было смысла. Его названный сын уже не мог дождаться свадьбы и даже выхлопотал императорский указ о браке с той женщиной, что заняла чужое место.

Что ж, указ — это даже к лучшему. Иначе князю пришлось бы ломать голову над тем, как покрепче связать этих двоих, чтобы Му Цзиньсюань не пошёл портить жизнь какой-нибудь достойной девушке.

Экзамены хуэйши, как и провинциальные, состояли из трёх туров по три дня каждый. Но в отличие от осенних испытаний, сейчас стояли лютые холода. Ночевать в дощатых кельях было сомнительным удовольствием, и многие кандидаты сдавались, не выдержав испытания морозом.

Когда всё закончилось и Юаньцзин вышел за ворота, он почувствовал колоссальное облегчение. Его отец, Тао Даюн, уже ждал его, прижимая к груди тёплое одеяло. Увидев сына, он бросился навстречу, укутал его и на руках донёс до кареты, где юношу уже ждал горячий бульон.

Даюн, не раз провожавший сына на экзамены, стал опытным помощником. Взглянув на лицо Юаньцзина, он понял, что тот держится куда бодрее остальных. Сердце отца наполнилось гордостью: его ребёнок не только умён, но и крепок телом. Он уже и забыл, что при рождении мальчик был слабее сверстников, из-за чего бабушка и решила отдать его в ученье.

Юй Сяо и Цзоу Вэйтина тоже встречали родные. Юаньцзин подождал, пока друзья рассядутся по своим экипажам, попрощался с ними и поехал домой. Там его встретили с новой порцией заботы. Юноша, не желая ни о чём думать, принял горячую ванну, выпил огромную миску мясной каши и провалился в глубокий, целительный сон.

Брат-наставник Ди Жун тоже беспокоился о младшем. Он прислал своего сына узнать о самочувствии Юаньцзина, а на случай, если семье Тао не удастся найти достойного лекаря, прислал и врача. Семья Тао была бесконечно благодарна за такую чуткость. Впрочем, лекарь подтвердил: юноша в полном порядке, лекарства ему не нужны — достаточно хорошего отдыха и еды.

Уже на следующий день юноша был полон сил. Он навестил наставника, а затем заглянул к Юй Сяо и Цзоу Вэйтину. Те едва держались на ногах после экзаменов и всё ещё лежали в постелях. Глядя на бодрого друга, они не могли сдержать смеси восхищения и зависти.

Спустя ещё два дня друзья наконец смогли выйти из дома. Похоже, долгое затворничество за учебниками пробудило в них неуёмную жажду новостей: едва переступив порог, Юй Сяо принялся наперебой делиться сплетнями.

— Случилось! Такое случилось! — закричал он ещё до того, как вошёл в кабинет. Вэйтин шёл следом, стараясь сохранять более степенный вид.

Юаньцзин вышел им навстречу:

— Что же заставило тебя так всполошиться?

Цзоу Вэйтин, несмотря на холод, обмахивался складным веером — щегольство было для него важнее тепла. Слегка улыбнувшись, он произнёс:

— На сей раз Юй Сяо можно понять. Даже я был поражён. Вся столица ещё долго будет гудеть об этом происшествии.

— Не томи его, Вэйтин! — перебил товарищ. — Ты ведь знаешь, Юаньцзин, что сразу после Нового года государь повторно даровал указ о браке маленькому князю из дома Чжэньбэй. Весь город и так обсуждал его разрыв с дочерью наставника, но никто не ожидал, что его избранницей станет простая девица, гостья из дома хоу Юнчан...

— В общем, у этой Янь Чжифу оказался другой возлюбленный, — подхватил Юй Сяо. — Когда они выехали за город на скачки, она тайно встретилась с ним. Му Цзиньсюань застукал их на месте. Вспыхнула ссора, началась свалка, и в этой суматохе он выпал из седла, да прямо под копыта. Конь лягнул его... В общем, всё очень скверно. Никто точно не знает, выживет ли он.

Юаньцзин моргнул раз, другой. Сомнений не было: Му Чэнъань привёл свой план в действие. Юноша только не ожидал, что князь выберет именно такой момент.

— Посмотри на него, он даже дара речи лишился! — Юй Сяо неверно истолковал выражение лица друга.

Юаньцзин подхватил тон:

— Да уж, поверить трудно. А как государь? И кто этот... другой господин?

Цзоу Вэйтин усмехнулся:

— Сын левого заместителя министра Яня. В столице он был весьма известен как первый красавец и талант, ну вот и прославился окончательно.

Янь Жусун действительно считался в Пекине завидным женихом. Его посредственные стишки обожали восторженные барышни, но Вэйтин лишь презрительно кривился. Такие «таланты» только позорили звание учёных мужей.

Юаньцзин прекрасно понимал ситуацию. Именно в этого человека была до беспамьяства влюблена Тао Юйчжу в прошлой жизни, и даже после перерождения она жаждала вернуть былые чувства. Позже, когда на горизонте возник вариант получше, она не стала обрывать связи с Янь Жусуном, продолжая тешить своё самолюбие его преданностью. Теперь же её тщеславию должно быть удовлетворено сполна: их любовный треугольник обсуждает каждая собака в столице.

— Государь в ярости. Янь Жусун и эта девица взяты под стражу. Похоже, император лично допросит их, как только у него найдётся время. Кстати, Юаньцзин, почему ты спрашиваешь о государе, но не о резиденции князя Чжэньбэй? Неужели... — Юй Сяо огляделся и понизил голос. — Неужели ты тоже слышал те слухи?

Юноша сразу понял, что друг намекает на истинное происхождение Му Цзиньсюаня.

— Когда государь проявляет такую чрезмерную заботу о нём и позволяет безнаказанно расторгать помолвки, трудно не задаться вопросами.

Друзья понимающе переглянулись и замяли тему — в Пекине о таких вещах лучше было не рассуждать вслух. Они потащили Юаньцзина в чайную, и там, разумеется, все разговоры вертелись вокруг этого скандала. История обросла такими пикантными подробностями, что казалось, рассказчики лично сидели под кроватью у героев.

Сплетни совершенно затмили интерес к результатам экзаменов. Маленький князь и его амурные похождения были куда увлекательнее скучных списков. Те же из учёных мужей, кто сохранил остатки благоразумия, лишь сетовали на упадок нравов: Му Цзиньсюань своими выходками втоптал в грязь вековую славу дома Чжэньбэй.

В народе Му всегда почитали за их верность границам и доблесть. Почти все мужчины этого рода сложили головы в битвах, и теперь остался лишь один князь Му Чэнъань. То, что его наследник затеял позорную драку из-за девицы, вызывало лишь отвращение.

Всё шло совсем не так, как в оригинальной истории. Там Му Цзиньсюань уже унаследовал титул и власть, став грозным правителем, которого никто не смел задеть. Но сейчас старый князь был ещё жив, и пока он оставался стражем империи, выходки «наследника» вызывали лишь гнев.

Вскоре стали известны подробности о состоянии пострадавшего. Кость его голени была раздроблена. Даже если он поправится, нога останется искалеченной. Император пытался скрыть это, но вести разлетелись мгновенно. Му Чэнъань позаботился об этом, а взрослые сыновья императора с радостью помогли распространить слух. Старый император в своих покоях крушил мебель.

Он вызвал начальника тайной стражи:

— Говори! Как это случилось? Это дело рук Му Чэнъяня?

Император знал, что князь может затаить обиду — ведь три года назад, когда тот возвращался с границы, император сам послал своих людей. Долгие годы он опасался, что Му Чэнъянь что-то прознал, но тот все это время тихо жил в своём поместье. Однако теперь, когда его единственный наследник стал калекой... император заподозрил, что князь просто выжидал момента.

Старик не знал, что эти три года Му Чэнъянь вовсе не бездействовал. Начальник стражи почтительно доложил:

— Князь Чжэньбэй не вмешивался. Но мои люди... обнаружили след нескольких Ваших Высочеств. Почти все принцы приложили к этому руку.

— Проклятье! — Император смахнул всё со стола. — Совсем страх потеряли? Почему они так ненавидят Цзиньсюаня? Чем он им помешал?

Если бы принцы слышали это, они бы только горько усмехнулись. Не мешал? Всем было ясно: Му Цзиньсюань — его любимчик. Если бы он унаследовал мощь армии, старик мог бы передать ему трон в обход законных сыновей. Му Чэнъянь лишь дал толчок, а принцы сами довершили дело.

Му Цзиньсюань пострадал из-за чрезмерной любви своего истинного отца. Старый император бесновался, глядя на неопровержимые доказательства вины своих сыновей. В спальне остался лишь верный евнух, который служил ему долгие годы и знал тайну рождения Цзиньсюаня. Остыв после вспышки гнева, государь ощутил навалившуюся усталость.

— Скажи, неужто здесь и впрямь нет воли князя Чжэньбэй? — спросил он.

Старый слуга взвесил каждое слово:

— Ваше Величество, для князя в этом мало проку. У него всё равно нет наследников. Рано или поздно военная власть всё равно вернётся в руки императорского рода.

Император и сам это понимал. Его пугало лишь то, что Му Чэнъянь может выступить против него открыто. Пока князь был жив, государь не знал покоя. Вспомнив о виновнице всего этого хаоса, он снова заскрежетал зубами:

— Я ведь говорил, что эта девка ему не пара! Но он ослеп от вожделения, готов был расторгнуть помолвку с дочерью наставника ради этой дряни. Эту распутную тварь я велю казнить самой позорной смертью!

Получила императорский указ о браке и всё равно не унималась! Если бы они поженились, она

бы наверняка наставила Му Цзиньсюаню рога. Хотя, если подумать, это было бы лишь справедливым возмездием за то, что когда-то сделал сам император.

Но не только государь ненавидел Янь Чжифу. В доме заместителя министра Яня его супруга выплакала все глаза, проклиная «маленькую лисицу», погубившую её сына.

— Господин, вы должны спасти нашего сына! Жусун — свет моих очей! — рыдала госпожа Янь.

Заместитель министра был вне себя от ярости:

— Хватит реветь! Я же говорил тебе — не потакай ему! Это ты его избаловала!

— Что?! Это я его избаловала? А ты где был? — Госпожа Янь не лезла за словом в карман. — Он и твой сын тоже! Если с ним что-то случится, я тебе жизни не дам!

Янь Жусун, опасаясь супруги, сбавил тон. Он понимал: если Му Цзиньсюань действительно дорог государю, то дни его сына сочтены.

В резиденции хоу Юнчан дела обстояли не лучше. Совсем недавно они купались в лучах славы из-за императорского указа о браке. Но теперь хоу Юнчан едва не лишился чувств.

— Конец... нам конец! Эта девка Янь Чжифу погубила весь наш род!

Его супруга теперь пылала ненавистью:

— Не стоило слушать твоего брата! Она — само проклятие! Господин, пока гнев императора не пал на наш дом, мы должны немедленно выгнать их вон. Разорви все связи с братом, официально раздели имущество!

— Но... разве это поможет? — засомневался хоу.

— А как же иначе? Они — Яни, а мы — нет!

Супруга хоу была полна решимости минимизировать потери. Пока чета хоу строила планы изгнания, Янь Цзымин в отчаянии поспешил к своей тётке. С того дня, как всё случилось, он не мог сомкнуть глаз. Он выглядел так, будто перенёс тяжёлую болезнь. Его терзало горькое раскаяние: не стоило слушать Тао Юйчжу и соглашаться на эту подмену. Он думал, что «сестра» защитит его, но вместо этого она принесла беду, способную стереть с лица земли всю семью Янь.

<http://bllate.org/book/15835/1503349>